

Ю. А. Афанасьева (Минск, БГУ)

ЮЖНАЯ ГОТИКА В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ

Целью данной статьи является обоснование существования жанра южной готики и детальный анализ его жанровых компонентов. В результате исследования выявляется, что жанр южной готики содержит следующие релевантные компоненты: хронотоп (замкнутые мрачные топосы, обращение к «условному» прошлому) и проблематику (южноамериканское рабство, расизм, систематическая бедность, семейные отношения и, в частности, патриархат). Характерные для английской готики мотивы трансформируются в соответствии с южноамериканской действительностью (семейные тайны, узнавание по портрету, родовое проклятие, замкнутость и бегство от него, преступление, смерть, «очеловеченное» сверхъестественное). Для жанра южной готики, в отличие от английской, характерно использование фольклорных элементов, примет и суеверий. Отмечается религиозная окраска мистического элемента и гротескность как характеристика персонажей в южноготическом произведении.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жанр; южная готика; хронотоп; Другой; мотив; мистический элемент; гротеск.

The purpose of this article is to substantiate the existence of the southern Gothic genre and to analyze in detail its genre components. As a result of the study, it is revealed that the genre of southern Gothic contains the following components: chronotope (closed gloomy toposes, appeal to the “conventional” past), problems (South American slavery, racism, systematic poverty, family relations and, in particular, patriarchy). Motives characteristic of English Gothic are transformed in accordance with the South American reality (family secrets, recognition by portrait, family curse, isolation and escape from it, crime, death, “humanized” supernatural). For the genre of southern Gothic, in contrast to the English, the use of folklore elements is characteristic, and it will also take superstitions. The religious coloring of the mystical element and grotesqueness are noted as a characteristic of the characters in the southern Gothic work.

K e y w o r d s: genre; southern gothic; chronotope; the Other; motive; mystical element; grotesque.

Память английского готического жанра, возникшего еще во второй половине XVIII в., формирует определенный горизонт ожидания читателя южной готики: общая атмосфера саспенса, замкнутые пространства, преступления, насилие, фамильные тайны, сверхъестественное и т.д. Южная готика как жанровое ответвление своей английской предшественницы по-новому использует традиционные жанровые компоненты. Трансформация жанра определяется требованиями культурной эпохи и закономерно ведет к изменениям в его структуре. Как утверждает Ли Энн Дак, исследователь культуры и литературы американского Юга, в дискурсе США 1930-х гг. этот регион рассматривается как отклонение от современной национальной культуры, угроза национальным экономическим, социальным и политическим структурам. В результате в литературе того времени, описывающей данный регион, распространяются драматические готические образы: «потрясающие и ужасные видения» белых сторонников превосходства Юга, дантевский «ад» его сельскохозяйственных районов, «безумная, разлагающаяся дикость» его евангелической церкви [1]. Таким образом, жанр южной готики синкретичен: он возникает из сочетания готического элемента, источником которого является английская литературная традиция, и южного колорита.

В южной готике компоненты жанра-предшественника претерпевают изменения. Порожденный американским Югом, новый жанр переосмысливает специфические проблемы региона: рабство, расизм, систематическая бедность и патриархат.

Целью данной работы является обоснование существования жанра южной готики и детальный анализ его жанровых компонентов.

Хронотоп в произведениях южной готики отличается от хронотопа английского готического романа. Английский замок трансформируется в американский дом; плантаторская усадьба становится моделью южного мироустройства, центром социальных противоречий. Обветшание плантации, ее деградация характеризует упадок системы рабства в американском обществе. Жилище как пространство становится своеобразным «haunted place», где персонажи получают травмы как психологические, так и физические; дом становится местом ужаса, своеобразным приютом для душевнобольных. Этот топос – периферия между прошлым и настоящим, колониальным и угнетаемым, перекресток рас. Иногда дом становится антропоморфным, отображая волю белого человека-плантатора. Однако он может стать и отражением угнетенного человека – достаточно вспомнить известный дом по адресу Блустоун-роуд, 124, Цинциннати, Огайо из романа «Возлюбленная» («Beloved», 1987) Т. Моррисон.

Мрачная атмосфера колониального Юга отображается в пейзаже. М. Сивилс, исследователь южной готики, отмечает: «Эта атмосфера еще больше усиливается обычным зрелищем заброшенных, ржавеющих или иным образом разрушающихся лачуг, грузовиков, тракторов и других артефактов не слишком далекого прошлого, которые в своих объятиях, окутанных сорняками, кажутся символом наследия человечества в мире Юга» (Здесь и далее перевод с англ. наш. – А. Ю.) [2, р. 83]. Леса и водоемы становятся источниками опасности. Символическим может считаться топос болота, порождающий ощущения безнадежности и ужаса [2]. Угнетение человека в южной готике параллельно экстенсивной эксплуатации природных ресурсов и бунту природы против такого обращения.

Л. Фидлер первой указывает на важность рабства как «proper product» для американской готики [3]. Рассмотренное в постколониальном контексте Америки рабовладельчество, по словам Дж. К. Лока, становится источником террора и воспринимается через призму готики [4]. Обращение к этой проблеме характерно для американского Юга. «Южный» миф имплицитно присутствует во многих южноготических произведениях: упадок аристократии, желание возвратиться к прежнему укладу жизни создают новый вариант «условного» прошлого. Владельцы угасающих поместий становятся одержимыми своей властью и ее потерей, из-за чего совершают преступления как против церкви, так и против государства. Примерами могут служить новелла «Роза для Эмили» («A Rose for Emily», 1930), романы «Шум и ярость» («Sound and Fury», 1929) и «Авессалом, Авессалом!» («Absalom, Absalom!», 1936) У. Фолкнера.

Тема семьи – центральная для южной готики. Травматический опыт семейных отношений часто связан с отношениями господства–подчинения

между хозяином и рабом. Мотивы насилия, жестокости и страха, семейных тайн, скрывающих инцест или убийство, характерны для этого жанра. Так, инцестуальные отношения подростков рассматриваются в романе К. МакКалерс «Участница свадьбы» («The Member of the Wedding», 1946), насилие и жестокость преобладают в романе К. МакКарти «Дитя Бога» («The Child of God», 1973), поверхностность и лживость южных семейных отношений отражаются в драме Т. Уильямса «Кошка на раскаленной крыше» («Cat on a Hot Tin Roof», 1955). Соппротивление человека деструктивной семейной иерархии отображает различные культурные и индивидуальные тревоги американского социума. Южная готика, по мнению Д. Пунтера, предлагает читателю переосмыслить южную картину мира: «Художественная литература южной готики создает образ жизни юга, который побуждает читателей рассматривать социокультурные структуры региона как порождающую среду, которая шокирует читателей осознанием того, что образ жизни юга, а в некоторых случаях <...> их собственная жизнь, должны быть также переосмыслены» [5, p. 8–9].

«Призраки» в южной готике – это персонажи, функция которых – указать на принципиальную сконструированность расовой, гендерной и сексуальной иерархии в американском обществе. Это люди, которые обладают психическими особенностями, имеют «другую» ориентацию или цвет кожи. «Призрачность» персонажа может трактоваться и как символический способ сохранения его истории. Это особенно справедливо для афроамериканской литературы, так как «призрак» дает возможность реконструировать культурную память народа.

Проблема расовой идентичности считается одной из важнейших для жанра южной готики. Она косвенно связана с понятием сверхъестественного в английской готической литературе, однако, как отмечает К. Р. Котерн, между ними есть различия: «Часто неизвестное проявляется в готических текстах в виде сверхъестественной фигуры; в южной готике, однако, есть еще более частая тенденция считать людей опасными “Другими”» [6, p. 7]. Персонаж, принадлежащий к другой расе или являющийся метисом, «*tragic mulatta*», непонятен и опасен, вызывает страх. «Другой», с которым нужно бороться, по мнению Г. Ричардса, может представать в виде «*tomboy*» или «*sissy character*», чья гендерная принадлежность отлична от гетеросексуального большинства [7]. Женщины выступают объектом угнетения и используются в качестве средств сохранения власти. Иногда главный персонаж в южноготическом произведении является ребенком, имеющим «отстраненное» мировидение, – как, например, в романе Т. Капоте «Другие голоса, другие комнаты» (*Other Voices, Other Rooms*, 1948). Девиантность персонажей – это угроза разрушения расовых границ, установленных белой гегемонией, и деконструкции традиционной гендерной иерархии. Южная готика как жанр, по словам Дж. Хаким Аззам, предполагает подобную деконструкцию «старых» мифов: «Южноготические тексты указывают на построение мифов, созданных в регионе и о нем, как на способ демонтажа связанных построений о “соответствующих” гендерных/сексуальных ролях и установленных расовых иерархиях» [8, p. 7].

Важная черта «Другого» в южной готике – его гротескность. Она отделяет одного персонажа, физически или психически «деформированного», от других, и это отделение символично – чаще всего гротескность героя указывает на более широкие, социальные проблемы. Кроме того, гротеск амбивалентен – по оценке А. Шпигеля, он указывает как на апелляцию к традиционным ценностям «старого Юга», так и на деконструирующее влияние индустриализации и современного большого города [9]. Нищета и невыносимые условия жизни сильно влияют на состояние человека, который пытается выжить. Гротеск в южной готике становится способом построения реальности художественного произведения. Часто именно аномальный персонаж является центром повествования или же сам рассказывает историю. М. Э. Снодграсс связывает гротеск с карнавализацией, отвечающей за смешение бинарных оппозиций: «Устрашающие, бесчеловечные или шокирующие образы искажений природы, уродства, причудливости и деформации доминируют в произведениях писателей южной готики» [10, p. 167].

Мистическое приобретает в жанре южной готики религиозный оттенок – причиной этому служит опыт американского пуританства. Особенно ярко эта тенденция прослеживается в творчестве Ф. О'Коннор. Библейские темы и аллюзии она соединяет с характерными южноготическими мотивами насилия, жестокости и психологической нестабильности. Такие гибридные элементы присутствуют в романе «Мудрая кровь» («Wise Blood», 1952) и рассказе «Хорошего человека найти нелегко» («A Good Man Is Hard To Find», 1953). Жанр предполагает использование и других религиозных практик. Так, в романе З. Н. Херстон «Их глаза видели Бога» («Their Eyes Were Watching God», 1937) используется магическая практика вуду.

Южная готика активно пользуется инструментарием английского готического романа. Так, мотивы тайны, узнавания по портрету или фотографии, родовое проклятие, мотивы замкнутости и бегства от него, безумия, преступления и сверхъестественного реализуются во многих южноготических произведениях. Мотив смерти, часто тяжелой или внезапной, красной нитью проходит через фабулу романа «Когда я умираю» («As I Lay Dying», 1930) У. Фолкнера. Сверхъестественными становятся живые «Другие». Характерно для южной готики и использование фольклорных элементов, суеверий и примет. Интересен пример обращения американского писателя П. Уокера к английской мифологии в романе «Ланселот» («Lancelot», 1977) – мифологические элементы артурианы здесь приобретают американское наполнение.

Таким образом, жанр южной готики содержит следующие компоненты: хронотоп (замкнутые мрачные топосы, обращение к «условному» прошлому), проблематику (южноамериканское рабство, расизм, систематическая бедность, семейные отношения и, в частности, патриархат). Характерные для английской готики мотивы трансформируются в соответствии с южноамериканской действительностью (семейные тайны, узнавание по портрету, родовое проклятие, замкнутость и бегство от него, преступление, смерть, сверхъестественное). Для жанра южной готики, в отличие от английской,

характерно использование фольклорных элементов, примет и суеверий. Отмечается религиозная окраска мистического элемента и гротескность как характеристика персонажей в южноготическом произведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Duck, L. A.* The Nation's Region: Southern Modernism, Segregation, and U.S. Nationalism / L. A. Duck. – Athens : University of Georgia Press, 2006. – 340 p.
2. *Castillo Street, S.* The Palgrave Handbook of Southern Gothic / S. Castillo Street, Ch. L. Crow. – London : Palgrave MacMillan, 2016. – 505 p.
3. *Fiedler, L. A.* Love and Death in the American Novel / L. A. Fiedler. – New York : Criterion, 1960. – 520 p.
4. *Locke, G. K.* Southern Gothic Fiction and New Naturalism: Toward a Reading of New Naturalism / G. K. Locke. – University of Tennessee, 2015. – 230 p.
5. *Punter, D.* The Gothic / D. Punter, B. Glennis. – Malden, MA : Blackwell Pub., 2004. – 315 p.
6. *Cothorn, C. R.* The Evolving Southern Gothic: Traditions of Racial, Gender and Sexual Horror in the Imagined American South / C. R. Cothorn. – Texas A&M University, 2015. – 241 p.
7. *Richards, G.* Lovers and Beloveds: Sexual Otherness in Southern Fiction / G. Richards. – LSU Press, 2005. – 243 p.
8. *Azzam, J. H.* The Alien Within: Postcolonial Gothic and the Politics of Home / J. H. Azzam. – University of Pittsburgh, 2007. – 280 p.
9. *Spiegel, A.* A theory of the Grotesque in Southern Fiction / A. Spiegel. – The Georgie Review. – Vol.26. – №4. – P. 426–437.
10. *Snodgrass, M. E.* Encyclopedia of Gothic Literature / M. E. Snodgrass. – New York : Facts on File, 2005. – 480 p.